

Поэзия – спасенье языка, вечно новорождённая родниковая речь. И то, что может сказать она, не скажет никто, хотя, казалось бы, – говорят все, хором повторяя уже давно сказанное. Но как редко можно услышать:

*Побудь со мною, тишина!
Давно искал я этой встречи.
От праздной человечьей речи
Душа остывшая темна...*

Поэзия всегда начинается с внутренней тишины. И ощущение родниковой чистоты слова возникает с первых строк – любых строк, на которых открывается поэтическая книга Виктора Кирюшина. Его имя уже давно известно истинным ценителям русской поэзии. Одно из главных, душевно близких, мощно притягательных свойств стихов Кирюшина – глубокое национальное чувство. Это очень русские стихи. И русские они не по внешнему сюжетному признаку, хотя и его нельзя не отметить. В первую очередь – язык.

Слово, попадающее в магнитное поле поэтической речи Виктора Кирюшина, приносит с собой всё, что было накоплено веками: точность, полнозвучность, оттенки чувств, многозначность смысла. Слово, как сеть, захватывает такое широкое пространство, такие временные промежутки, что улов этот поначалу представляется невозможным, невероятным:

*Всё начиналось разговорами,
Чтобы немного погода
Эпоха щёлкала затворами,
Дыханья не переводя.*

*Сначала котелки да тросточки...
А нынче в поле, где пырей,
Не различить немые косточки
Ведомых и поводырей.*

Но это всегда есть в самой природе родного языка, и точное виденье благодаря прозрачности мгновенно становится предвиденьем и даже мудрым остережением для понимающих, ибо всё уже было и поэту ведомо. В каждом стихотворении книги – своя глубина, но все они полны воздуха, мерцающего оттенками смыслов, пробуждающего в чутком читателе талант сочувствия, со-переживания.

Русской, родной ощущается и та особая слитность с природой, которая есть практически в каждом сюжете. Загадка «русскости» в сущности своей проста: русский человек широк потому, что пространство своего бытия принимает как часть себя самого – и даже не часть, а основу. И он до сих пор ещё естественен, природен настолько, чтобы позволить себе и глубокий гармонический покой, непонятный и пугающий для непосвящённых, и сокрушительную стихию чувств, страшущую своей неизвестно откуда берущейся силой, и мгновенный переход от одного состояния к другому.

Чем дальше развивается цивилизация, тем больше настораживает и пугает её приверженцев эта широта и стихийность, но без неё русская душа высыхает, становится бессильной и вполне пригодной для оцифровки. И потому –

*...Как сладко услышать среди тысяч созвучий
Таинственный зов пламенеющей тучи
И шум поднебесный угрюмого бора
Раскатами неисчислимого хора!*

*Душе ведь не нужно особой науки –
Ловить на лету эти ритмы и звуки,
Мелодии, жалобы, вздохи и пенье,
В которых сливаются страсть и терпенье...*

И ещё одно – родное, угады-
ваемое с полустроки, полувздоха
при чтении – русская музыка этих
стихов. Искусственно ускоряемый,
рваный ритм современной жиз-
ни чужд и губителен для русско-
го человека, верлибр с его поэти-
ческой развязностью пуст, а рэп
удушающее тесен. Родня русско-
му – музыка, живущая в откры-
том пространстве полей, холмов,
рек, взлетающая к вершинам гор

– дышащая полной грудью.

Музыку не понимают – музы-
ку чувствуют, ею настраивают
мысли – а вовсе не наоборот. Она
несёт в себе, говоря современным
языком, основное знание о мире, о
его глубинных закономерностях, и
то, чего нельзя пока ещё постичь
рассудком, постигается сердцем,
его со-звучием, совпадением таин-
ственных глубинных ритмов.

*Дождик шепчет, ветер колобродит,
Гром гремит, ревя ревёт волна...
Музыка живёт в самой природе,
Потому и вечная она.*

<...>

*Луг звенит.
Над синей гладью плёса
Чаек крик захватывает дух.
В мире, где ничто не безголосо,
Как награда – абсолютный слух.*

Может быть, потому и способ-
на мгновенно подняться в русском
человеке высокая волна воли. На
языке музыки русский и понимает
природу, и принимает её покой и её
силу. Музыка определяет и долж-
ную меру поэтического пафоса, и
остерегает от губельного:

*В краю истерзанном и голом,
Где в полдень не видать ни зги,
Поэт, не жги сердца глаголом!
Во имя Господа
Не жги!*

Казалось бы – открытый спор
с пушкинским «Пророком», где
именно в уста Бога вкладываются
слова «...глаголом жги сердца
людей», явное противоречие, но
ничего противоречивого здесь нет,
есть точная мера слов и событий,
мера, которую ощутить способна
именно поэзия:

*Не перейди незримой грани,
Святой взыскупя правоты.
Ты видел сам –
На поле брани
Лишь ядовитые цветы...*

Ещё одна характерная черта русской поэзии – почти природная естественность метафор, а чаще даже и простой параллелизм. Русская метафора – не самоцель и даже не средство, и не столько превращение форм, сколько объединение их одним, единым, всеобщим содержанием:

*Где тихая роца кончается
И звёзды ночуют в реке,
Стоит одуванчик,
Качается
На тонкой зелёной ноге.
Прощаются люди,
Встречаются,
Стихают шаги за окном...
Стоит одуванчик,
Качается
На маленьком шаре земном.*

*На Руси предзимье.
Порыжело
В ожиданьи первого снежка
Вымокшее поле возле Ржева,
Луговина около Торжка.*

*Киновари досыта и сини,
Тронутой летучим серебром,
В тихой роце около Медыни,
В родниковом озере у Кром.*

*На венцах колодезного сруба
Смьта влагой летняя пыльца.
Ветрено в дубравах Стародуба,
Изморозь на куполах Ельца.*

*Как царевна юная наивна,
В небе пышнотелая луна,
А под ней Коломна
И Крапивна,
Нерехта, Кириллов, Балахна...*

И когда Виктор Кирюшин пишет о современниках (а в книге довольно много таких сюжетов и эскизов), о чём бы ни шла речь – это всегда любованье, даже если и горечь:

Казалось бы – и что в безыскусной простоте искусённому читателю? Но не в пищу праздному уму предназначены эти тонкие связи, они – соломинки для спасения, наилегчайшие мостики над оврагами и ущельями бытия. Поэзия Виктора Кирюшина очень земна, вполне конкретна – в ней много тёплых, родных сердцу примет, но не тяжёлых своей плотной материальностью, а словно светящихся изнутри, и свет этот высоко печален – как высоко и светло печально всякое соприкосновение души с красотой, вечного – с мгновённым, живущего – с уходящим или будущим. А какой словесной сладостью наполняются русские имена!

*Годы-то всё какие –
Сплошь из огня и дыма!
Бабушка Евдокия,
Матушка Серафима.*

*Боль от репёв-колючек,
Предощущенье строчек...
«Всё Он управит, внучек».
«Не унывай, сыночек»...*

Когда вынимаешь для цитат строки из контекста, не покидает странное чувство: словно срываешь один за другим цветы на лугу – для букета, но цветущий луг так и остаётся лугом, его не унести и не пересказать. Так и с настоящими стихами – они живут и наполняют живым воздухом книгу, в цитатах передавая только малую часть смысла. И вот вроде бы афористичность считается поэтическим «знаком качества», но ведь не так на самом деле – поэзия не в броских или чеканных строчках, а именно в воздухе, в особом веществе, которое в нём разлито... И это тоже очень русская черта.

*Вовсю метель гудит ночами,
И неприметен к лету сдвиг, –
Да мы и дней не замечаем,
Не то что краткий этот миг.*

*Но кто-то угли теплит в горне
И отнимает миг у тьмы,
И под землёю слышат корни
Всё то, чего не слышим мы.*

Классическая стройность и собранность речи, её простота и прозрачность до таинственных глубин в наше время много– и пустоговорения дорогого стоят. Сколько бы ни изощрялась «актуальная» поэзия в поиске форм и способов завоевания читателя, остаётся истинно актуальным только то поэтическое пространство, в котором родное слово раскрывает свою необозримую вселенную мелодии и смысла.

Виктор Кирюшин – глубоко русский поэт, и в рубежную эпоху, когда в ответ на вал глобальной культурной, национальной, личностной унификации начинает просыпаться, подниматься живое чувство родины, родной земли, истории, крови, слова, очень важно услышать – и сохранить возле сердца родниковое, питающее душу: